

где ни прутика, не только дому сыскать можно было. Теперь крепость, и крепость важная такая, например, какие из лучших мы в Нидерландах видели» (48), — пишет Хемницер Львову 8 июля 1782 г. из Херсона. И примерно такую же, может чуть менее эмоциональную и более информативную, запись делает в дневнике: «Город сей, который заложен 1778 г. в октябре, нашел я уже в большом успехе, хотя он третий только год как заложен <...> на степи бывшей Запорожской Сечи <...> но город Херсон успехами своими, как крепостью, так и строением в самой крепости <...> заставляет о степи этой забыть» (396—397).

Победа имперского оружия или успех петербургской дипломатии должны, по мнению Хемницера, производить радость и восхищение в «русской душе» (91). Он абсолютно уверен в праве и возможности России «плавать да плавать из Черного моря в Средиземное, а из Средиземного в Черное» (75). Заложенная еще Петром и достигшая своего апогея при Екатерине II⁹ идея великодержавности и пользы Российской империи владела и сознанием Хемницера. Вспышки праздничных фейерверков бросали свой отблеск на жизнь каждого подданного. Возвышающее чувство причастности к успехам огромной победоносной страны усиливалось на чужбине, в ситуации, когда отстаивание интересов России являлось главным смыслом службы, а статус российского консула — главной защитой от враждебного окружения. Пожалуй, государственное мышление, определяющее многие ценностные реакции Хемницера, можно считать основным наследством, полученным им от своего российского подданства.¹⁰

Поражает, на первый взгляд, что консул, находящийся практически во враждебной стране, отношения с которой балансировали на грани новой войны, не испытывает никакой личной неприязни к местным жителям и называет их почти ласково «мои турки». Он отмечает, что «гостеприимство у турок из числа первых добродетелей», и в письме, отправленном сразу же по прибытию в Смирну, отзывается с искренней теплотой о приставленных к нему янычарах. «Янычары мои, бесполитичные души, меня очень полюбили.

⁹ Хемницера поразила точность слов одного турка о величественной осанке Екатерины II при решении дел международной политики: «„Да Она дарит все что хочет“. Я и вспомнил словеса: рече и быст. Нутка господа академики (то есть не наши), скажите что-нибудь похожее» (Письмо И. И. Хемницера Н. А. Львову. 22 июля, 1783 г. Смирна. С. 88).

¹⁰ По своим ценностным ориентациям и предпочтениям Хемницер не был иностранцем на русской службе, подобно многочисленным в то время европейцам, занимавшим места на всех уровнях чиновного аппарата. В высочайших пожалованиях этим волонтерам ничего не говорилось о ревностно выполненном долге перед отечеством и государыней. Так, награждая принца Карла фон Вюртемберга орденом Святого апостола Андрея Первозванного за участие в русско-турецкой войне, Екатерина писала только об «усердии, доброй воле и храбрости». (Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Bestand G 263. Bueschel 1).